

УДК 821.161.1-31.09

DOI 10.37972/chgpu.2025.127.2.006

Е. В. Скуднякова

ТУРГЕНЕВСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Ю. П. КАЗАКОВА: ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК

*Московский государственный университет технологий и управления
им. К. Г. Разумовского (Первый казачий университет), г. Москва, Россия*

Аннотация. В статье исследуется тургеневская традиция в изображении природы и человека в прозе Ю. П. Казакова («Тихое утро», «Песни леса», «Ночь», «На охоте», «Никишкины тайны», «Скрип-скрип»). Подчеркивается, что писателей сближает философское осмысление природы. У И. С. Тургенева и его литературного последователя она изображается в двух ликах: первый – вечная, всемогущая, равнодушная по отношению к человеку; второй – прекрасная, одухотворенная, которая находится с человеком в гармоничной связи.

В рассказах Ю. П. Казакова выявляются герои с «внутренней цельностью» согласно типам, которые выделил М. О. Гершензон в творчестве И. С. Тургенева. Первый – персонажи с «раздвоенной душой», второй – персонажи с «внутренней цельностью», живущие в единстве с природой. Отмечается, что героями второго типа являются охотники, рыболовы, лесники, которые часто описываются с помощью животных. Они считают природу своим «домом», хорошо знают ее секретный язык, воспринимают ее как что-то живое и не стремятся постичь ее тайны.

В современной отечественной науке о литературе концептуальный анализ героев с «внутренней цельностью» в творчестве Ю. П. Казакова еще не был предметом специального изучения. В работе применялись сравнительно-сопоставительный метод и метод целостного анализа художественного произведения.

Ключевые слова: *тургеневская традиция, типология героев, природа и человек, рассказ, гармония с природой, герои с «внутренней цельностью»*

Е. В. Skudnyakova

TURGENEV'S TRADITION IN THE WORKS OF YU. P. KAZAKOV: NATURE AND MAN

*K. G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management
(the First Cossack University), Moscow, Russia*

Abstract. The article explores Turgenev's tradition in the depiction of nature and man in the prose by Yu. P. Kazakov ("Quiet Morning", "Songs of the Forest", "Night", "Old Hunting Grounds", "Nikishka's Secrets" and "Fiddle-Fiddle"). It is stressed that it is the philosophical reflection on nature that brings the writers together. I.S. Turgenev and his literary successor depict it in two images. The first is eternal, omnipotent, and indifferent to people. The second is beautiful, spiritualized, and exists in a harmonious connection with people.

In Yu.P. Kazakov's short stories, characters with the so-called "inner integrity" have been identified according to the types distinguished by M. O. Gershenson in the works of I. S. Turgenev. The first type includes the characters with a "split soul", while the second one comprises those with "inner integrity" who live in a harmony with nature. It is noted that the characters of the second type are hunters, fishermen, and foresters, who are often depicted using animal imagery. They consider nature to be their "home", know its secret language well, perceive it as something alive, and do not strive to uncover its mysteries.

In contemporary Russian literary science, the conceptual analysis of characters with “inner integrity” in Yu. P. Kazakov’s work has not yet been the subject of specialized study. The research employed a comparative and contrasting method, as well as a holistic analysis of the literary work.

Keywords: *Turgenev’s tradition, typology of characters, nature and man, short story, harmony with nature, characters with “inner integrity”*

Введение. И. С. Тургенев всю свою жизнь размышлял о том, что представляет собой природа. Особенно его занимал вопрос, как она взаимодействует с человеком. Все рассуждения писателя находили отражение в его произведениях, в которых природа изображалась в двух ипостасях: первая – всемогущая, равнодушная к человеку («Призраки», «Довольно», «Поездка в Полесье» и др.), вторая – прекрасная во всех своих проявлениях, гармоничная с человеком («Записки охотника» и др.).

В рамках проблемы природы и человека в творчестве И. С. Тургенева М. О. Гершензон разработал типологию героев. Первый тип представлен персонажами с «раздвоенной душой» (отсутствие баланса с природой), а второй – с «внутренней цельностью» (единство с природой) [3, с. 49, 42].

Важно отметить, что тургеневские традиции (в том числе в изображении природы и человека) оказались достаточно продуктивными в художественном наследии писателей XX в. Поэтому обозначенная проблема в творчестве Ю. П. Казакова в той или иной степени оказывалась в фокусе внимания литературоведов. Т. П. Голованова в своей статье справедливо указала, что «... имя Тургенева не меркло на литературном горизонте новых эпох <...>, творчество писателя оказывалось созвучным мыслям и чувствам его потомков» [4, с. 20]. По мнению автора, Ю. Н. Казаков («На охоте») и И. С. Тургенев («Поездка в Полесье», «Довольно») во многом сходны в аспекте философского осмысления природы: «Размышления Казакова о жизни <...> по-тургеневски элегичны, проникнуты чувством единения с миром вечно обновляющейся природы» [4, с. 31].

Во второй половине XX в. (начиная с 70-х гг.) стали появляться работы, в которых отмечалась литературная преемственность между творчеством И. С. Тургенева, К. Г. Паустовского и Ю. П. Казакова ([18], [11], [6], [5]). Так, В. Е. Ковский писал, что в рамках «развития реалистического метода» XIX в. «возможности пейзажной живописи» максимально раскрылись именно в художественной системе И. С. Тургенева [11, с. 335]. С точки зрения ученого, К. Г. Паустовский становится одним из основных «наследников этой русской классической традиции, которая <...> уже через него передается Ю. Казакову» [11, с. 335]. А. Ф. Измайлов считал, что «лирико-романтическая направленность творчества Паустовского» во многом похожа на метод И. С. Тургенева, а Ю. П. Казакова он называл «последователем этого метода» [6, с. 116]. Т. Г. Джалилова в литературную цепочку последователей И. С. Тургенева включала не только К. Г. Паустовского и Ю. П. Казакова, но и М. М. Пришвина и И. Соколова-Микитова [5].

Литературоведы и критики писали о заметном влиянии традиций великих классиков (включая И. С. Тургенева) на прозу Ю. П. Казакова в области жанра рассказа (Е. Клепикова [9], И. А. Чекулина [21], В. А. Недзвецкий [16], А. А. Кузнецова [13], Н. П. Локтионова [15]), художественного метода и стиля изложения (И. С. Кузьмичев [14], А. А. Нинов [17], Е. Ш. Галимова [2]).

Так, Е. Клепикова отмечала: «Юрий Казаков развивает <...> тип рассказа, обработанный до чеканной структурности поколениями художников в приблизительном диапазоне от Тургенева до Бунина» [9, с. 260]. При этом подчеркивалось, что после того как «срок освоения традиций истек», «Казаков стал писать “личную”, резко характерную прозу» [9, с. 260]. И. А. Чекулина писала, что «современные писатели-рассказчики следуют традициям Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, М. Горького, И. А. Бунина,

М. М. Пришвина» [21, с. 5]. В статье В. А. Недзвецкого указывалось, что в развитии жанра рассказа (короткого по объему, но емкого по смыслу) Ю. П. Казаков опирался на своих литературных предшественников – И. С. Тургенева, Н. С. Лескова, А. П. Чехова и др. [16].

По А. А. Нинову, в произведениях Ю. П. Казакова прослеживается влияние русской классики – от Тургенева до Пришвина: «Эта школа обнаруживается в <...> живописности русского языка, точности стилистического приема, развитом чувстве художественной меры» [17, с. 332]. С точки зрения Е. Ш. Галимовой, для писателя характерна «импрессионистическая манера» изложения, которая выражалась в изображении «переходных, текучих состояний» [2, с. 15, 109].

Проблеме тургеневских традиций в творчестве Ю. П. Казакова в различных аспектах посвящены и некоторые диссертации ([10], [1]). О. Ф. Кобелева определила, какие «мотивы и стороны тургеневской философии природы» «нашли продолжение и развитие» в прозе Ю. П. Казакова [10, с. 9]. Автор считает, что в творчестве обоих писателей «природа предстает великой гармонизирующей силой, соединяясь с которой, человек <...> обретает жизненные силы и душевное спокойствие» [10, с. 11].

К. Т. Байниева в ходе сопоставительного анализа рассказов И. С. Тургенева («Свидание», «Певцы», «Хорь и Калиныч») и Ю. П. Казакова («На полустанке», «Трали-вали», «Нестор и Кир») выявила их «тематическое, сюжетное и текстуальное сходство» [1, с. 10]. В работе отмечалось, что Ю. П. Казаков «роднят» с И. С. Тургеневым «нравственно-философский и лирический характер его прозы», а также способ раскрытия внутренних переживаний героев – «в соприкосновении с природой, которая выступает у него как высшая нравственная и эстетическая ценность» [1, с. 11]. При этом в исследовании акцентировалось внимание на том, что, несмотря на «сознательное продолжение» традиций великого классика, Ю. П. Казаков трансформировал их «с учетом своего мировосприятия, особенностей изображаемой действительности и художественных задач» [1, с. 16].

Особо следует отметить диссертацию Н. А. Куделько, где в рамках тургеневской традиции рассматривались особенности реалистического метода Ю. П. Казакова – сосуществование в нем «романтических и импрессионистических тенденций» [12, с. 13]. С точки зрения ученого, в художественном наследии Ю. П. Казакова «развивается традиция эпического изображения народа, традиция “Записок охотника” И. С. Тургенева» [12, с. 19–20]. Литературовед выявила много общего у писателей в «типологии характеров», «“содержаний” пейзажей (природа средней России)», философии природы, принципах ее изображения, «отношении к природе, ее красоте как мерилу духовной сущности героев», [12, с. 10, 25]. Н. А. Куделько пришла к выводу, что именно Ю. П. Казаков (по сравнению с Б. К. Зайцевым и К. Г. Паустовским) ближе всего «к философии природы Тургенева», т. к. в его творчестве присутствуют «трагизм разъединения человека и “вечной Изиды” и гармония, единение человека и природы» [12, с. 27].

Таким образом, можно заключить, что в прозе Ю. П. Казакова обнаруживаются традиции признанного классика русской литературы И. С. Тургенева. Основными формами их воплощения являются способы изображения природы, особенности художественного метода, типы характеров, своеобразие жанра рассказа и др.

Цель работы – выявить и исследовать героев с «внутренней цельностью» в творчестве Ю. П. Казакова.

Актуальность исследуемой проблемы. В современном литературоведении анализ тургеневской традиции в изображении природы и человека в прозе Ю. П. Казакова считается актуальным, поскольку дает более емкое представление о воздействии этого феномена на творчество писателей XX в. (И. С. Соколова-Микитова, В. В. Бианки, К. Г. Паустовского, А. А. Кима и др.).

Впервые в отечественной науке о литературе осуществляется изучение героев с «внутренней цельностью» в художественном наследии Ю. П. Казакова [3, с. 49]. Подчеркнем, что анализ второго типа персонажей в творчестве И. С. Тургенева проведен в статьях автора ([19], [20]).

Материал и методы исследования. Материалом для исследования стали рассказы Ю. П. Казакова «Тихое утро» (1955), «Песни леса» (1955), «Ночь» (1956), «На охоте» (впервые был опубликован в 1957 г. под названием «Дым»), «Никишкины тайны» (1957), «Скрип-скрип» (1961). Методы исследования – сравнительно-сопоставительный, целостный анализ художественного текста.

Результаты исследования и их обсуждение. Тургеневское понимание природы очень близко Ю. П. Казакову, в творчестве которого наблюдаются и пессимистичная дисгармония человека с царственной природой, и органичное единение человека с ней. Поэтому присутствие в прозе Ю. П. Казакова персонажей с «внутренней цельностью» (по типологии М. О. Гершензона) восходит к тургеневской традиции [3, с. 49].

Героям второго типа присущ ряд особенностей:

- 1) находятся в балансе с царственной природой и ее неведомыми силами;
- 2) обладают «внутренней цельностью»;
- 3) ориентированы на настоящее, не склонны к болезненным воспоминаниям;
- 4) не философствуют о смысле жизни [3, с. 49].

В рассказах Ю. П. Казакова к персонажам рассматриваемого типа относятся охотники, рыболовы, лесники, которые в некоторых произведениях выступают одновременно в роли героев-повествователей. Они живут в гармонии с природой и воспринимают ее как свой «естественный дом». Например, Петр Николаевич и его сын Алексей во время охоты «ночевали на чердаке заброшенной сторожки на слежавшихся, потерявших запах листьях», можно сказать практически под открытым небом, т. к. крыша была вся в дырах («На охоте») [8, т. 1, с. 108]. Герой-повествователь из рассказа «Скрип-скрип» остался на ночь на берегу моря в «старой, заброшенной избушке» [7, т. 2, с. 400].

Персонажи с «внутренней цельностью» живут в единстве с природой, им знаком ее особый язык (приметы) [3, с. 42]. Так, Яшка был ловким охотником и считался лучшим рыболовом в колхозе («Тихое утро»). Он знал, что рыба лучше клюет в туманную погоду. Ему были известны повадки дроздов, поэтому он мог поймать их «сразу штук пять» [7, т. 2, с. 313]. Примечательно, что у него дома некоторое время жил дрозд, который умел чирикать «и как паровоз, и как пила» [7, т. 2, с. 313]. Герой-повествователь из рассказа «Песни леса» знал, когда начиналась «самая прекрасная охотничья пора» – примерно в середине апреля [7, т. 2, с. 335]. Именно в этот период времени природа уже просыпалась («все кругом как бы отпотело»), лес наполнялся весенними птичьими песнями: «... Целыми днями барабанили самцы-куропатки, яростно кричали сороки» [7, т. 2, с. 335]. В рассказе присутствует еще один герой – лесник, которому точно было известно, когда идти на охоту.

В рассказе «Ночь» все персонажи либо охотники, либо рыболовы – герой-повествователь, Петр Андреевич, Семен, Леша. При этом каждый из них знает особые места, где лучше всего охотиться или рыбачить. Так, Семену известно «тайное место», где обитает птица «непуганая»: «Идешь по лесу: направо – рябчики, тетери, глухари, налево – озеро <...> гуси и крякуши открыто плавают и на выстрел допускают близко...» [7, т. 2, с. 332]. Брусника там растет в таком количестве, что «все кочки кажутся красными», земляника «переспелая и такая сладкая – слаще сахара» и такой «крепкий дух» от смородины, «что голова кружится» [7, т. 2, с. 332]. По словам Семена, там ключевая вода особенно вкусная и целебная. Петр Андреевич знал «маленькое озерцо» вблизи Овшанки, где водилось много рыбы [7, т. 2, с. 326]. Он также был хорошо знаком с повадками лесных зверей. Например, он уверенно говорит, что «медведь на огонь не полезет», а в летнее время года волки не нападают на человека [7, т. 2, с. 327].

Петр Николаевич спустя много лет помнил «все-все дни и все места, где у него была счастливая охота», «приметные деревья», «потаенные родники» («На охоте») [8, т. 1, с. 109]. В рассказе «Скрип-скрип» рыбаки по небу в момент северного сияния предсказывали приближение шторма на Белом море: «Луна <...> окружилась янтарными кольцами. Звезды пропали, только самые крупные огнем горят <...>. А небо по розовому вдруг то желтым, то зеленым подергивается» [7, т. 2, с. 397].

Герои с «внутренней цельностью» обладают уникальным даром – они умеют разглядеть красоту в неприметных явлениях природного мира [3, с. 49]. В открытом пространстве они чувствуют себя счастливыми и свободными. Так, Володя испытывал необыкновенную легкость, «ощущение восторга и счастья», когда шел мимо поля на рыбалку вместе с Яшей: «Как славно и легко дышится, как хочется побегать по этой мягкой дороге <...>, подпрыгивая и взвизгивая от восторга!» («Тихое утро») [7, т. 2, с. 312]. Охотник из рассказа «Песни леса» с волнением слушал музыку леса, вдыхал его запахи: «Долго удерживаюсь, не хочу стрелять, не хочу разрушать этой празднично весенней жизни» [7, т. 2, с. 336]. Отметим, что произведение неслучайно называется именно так, этим подчеркивается природная особенность определенного временного промежутка (середина апреля) в охотничьем календаре.

Наиболее ярко звуки и запахи природы ощущаются персонажами в ночное время суток. В рассказе «Ночь» герой-повествователь почувствовал запах «горьковатой свежести ночных лугов», «речной сырости, глины», расслышал «слабый звук» плывущих по реке бревен, рассмотрел на другом берегу «яркую точку» костра: «Хорошо думается в такие минуты <...>, мечты сладко теснят грудь» [7, т. 2, с. 321]. Ему показалось, что с ним уже было что-то подобное: «Только никак не вспомнить <...>, в какую счастливую пору жизни» [7, т. 2, с. 322]. У него возникло желание «лечь и смотреть попеременно в огонь, на звезды <...>, слушать <...> ночные звуки, гадая, птица ли перепорхнула, шишка ли упала или так что померещилось...» [7, т. 2, с. 328]. Семен умиротворенно смотрел на ночной костер: «Лицо его <...> приняло то теплое <...> выражение, какое бывает у людей, думающих о чем-то неясном, но очень хорошем» [7, т. 2, с. 324]. Леше (брату Семена) тоже было «очень хорошо» рядом с костром, это просматривалось «в уютной позе, в блеске глаз, частой улыбке...» [7, т. 2, с. 326].

При этом Семен был не только отличным охотником и рыбаком, но и талантливым баянистом. Он считал, что гармоничная песня «должна свой запах иметь», «как река или лес» [7, т. 2, с. 329]. Тем самым в сознании героя второго типа музыкальное искусство постигается через природные образы. Ему было сложно описать словами красоту ночи, а с помощью музыки это оказалось легко. Например, тонкие звуки скрипки изображают тишину ночи, а низкие звуки рожка и виолончели «говорят, вроде как сосны гудят» [7, т. 2, с. 330]. Под мелодию «хриповатого» английского рожка можно также вообразить, что ты «летишь над землей куда хочешь, а под тобой все озера, реки, города, и везде тихо, темно» [7, т. 2, с. 329–330]. Семен придумал название для этой мелодии – «Ночная сказка» или «Ночная звезда» [7, т. 2, с. 330]. Когда герой-повествователь снова услышал вдалеке песнь Семена, он знал, что она «прекрасна и поэтична, потому что рождена чистым талантом, красотой меркнущих звезд, великой тишиной и ароматом увядающего лета» [7, т. 2, с. 334].

Петр Николаевич вспоминал, что чувствовал себя «почти больным от счастья», когда «бродил» по «озерам, лугам», «сумрачным борам», полям, лесам («На охоте») [8, т. 1, с. 109]. Он снова вернулся в эти места вместе со своим сыном, чтобы насладиться в полной мере «глухой тишиной и потаенностью» [8, т. 1, с. 112]. Они любовались солнечным рассветом, «слушали стеклянный скрип журавлей, стуки дятла, пронзительный крик кобчика...» [8, т. 1, с. 112]. Отец и сын чувствовали себя счастливыми «от тишины и от едва слышного шурстения дождя по листьям» [8, т. 1, с. 115]. Спустя много лет Петр Николаевич осознал,

что «этот тихий светлый край» и то время, которое он провел в нем, «запомнились как лучшее в жизни, как самое чистое» [8, т. 1, с. 109].

Никишка рассматривал необычные краски северного неба после заката солнца: «... Цвета меняются <...> от молочного к синему. Кажется <...> облако, силится рубиновым огнем загореться, запылять вместо ушедшего солнца» («Никишкины тайны») [7, т. 2, с. 381]. Герой-повествователь из рассказа «Скрип-скрип» «душой отдыхал» в тишине леса [7, т. 2, с. 399]. Для него все интересно и разнообразно в лесном пространстве. Внизу – «беловатый мох ягеля», «темно-зеленые лакированные листики брусники», «светло-зеленые островки можжевельника», а сверху – «березы золотятся», «рябина горит красным бархатным цветом» [7, т. 2, с. 399]. В горах он чувствовал умиротворение: «... И так хорошо было, что даже стрелять не хотелось» [7, т. 2, с. 400].

Природа во всем ее многообразии воспринимается персонажами анализируемого типа как нечто живое, поэтому они нередко наделяют ее человеческими способностями или качествами. Рассказчику из «Тихого утра» душистая смесь луговых (сено, клевер) и лесных запахов вместе с «легким теплым ветром» напоминала «дыхание проснувшейся земли, радующейся новому светлomu дню» [7, т. 2, с. 320]. В произведении «Песни леса» герой-повествователь наделял реку «сонным журчанием», весну – «робостью» [7, т. 2, с. 334]. Лес воспринимался им как живое существо: «Спит кругом лес, молчит, глухой и темный» [7, т. 2, с. 335].

Герой-рассказчик из «Ночи» сравнивал слабые прикосновения рук колосьев ржи с «молчаливой, робкой лаской» [7, т. 2, с. 321]. Ему казалось, что рожь «стояла недвижно, нежно светлея в темноте», «мозолистая» тропинка к утиному озеру вилась «суетливо», а речка «сонно журчала» [7, т. 2, с. 321, 334]. Петр Николаевич считал, что запахи земли были способны грустить: «... Пахло уже не <...> грустным запахом росы <...>, а грибами, мокрой землей...» («На охоте») [8, т. 1, с. 115]. Он настолько трепетно относился к природе тех мест, где охотился в молодости, что после долгой разлуки приветствовал ее как близкого человека (от избытка чувств у него на глазах выступили слезы): «Здравствуйте, кусты, и деревья, и озеро! Здравствуйте, цветы и осока! <...> Вы долго меня ждали, снились мне, и я пришел...» [8, т. 1, с. 112]. Отец и сын из рассказа «Никишкины тайны» верили, что в природе камни живые, а у берез есть свой особый язык, который не известен людям.

Сами персонажи с «внутренней цельностью» (внешний облик, черты характера) часто описываются посредством животных [3, с. 49]. В рассказе «Тихое утро» Яшка, когда оступился на берегу реки, «сжежился и зашипел, как гусь» [7, т. 2, с. 314]. Петр Петрович сравнивал себя в молодости с «молодым жеребенком», потому что был полон сил и желания жить («На охоте») [8, т. 1, с. 109]. Например, он был готов броситься в «ледяную воду» за птицей, идти «десятки километров в надежде подстрелить юркого бекаса» [8, т. 1, с. 109].

Герои второго типа воспринимают тайны природы как что-то естественное, они не пытаются их разгадать или объяснить рационально. Яшка верил, что в бочаге реки жили осьминоги, хотя он знал, что они обитают только в море («Тихое утро»). Поэтому когда Володя стал тонуть, Яшка просто похолодел от ужаса. В этом произведении прослеживается тургеневское понимание природы, которая предстает величественной, но равнодушной к человеку. Природа с ее постоянными законами, циклическими процессами вечна, а человек смертен, его жизнь мимолетна. После неудачной попытки спасти Володю Яшка был физически и эмоционально истощен. Он с трудом пришел в себя и в неопишемом ужасе вернулся на берег. Когда герой оглянулся, то увидел, что солнце продолжало ярко светить, «листья кустов и ветлы блестели»: «... Все было так же, как и всегда, все дышало покоем и тишиной, и стояло над землей тихое утро, а между тем вот только сейчас <...> утонул человек» [7, т. 2, с. 318].

Тем не менее Яшка – это персонаж второго типа, т. к. все его переживания были вызваны тем, что на его глазах тонул человек. Ему не свойственны глубокие философские рассуждения о смысле жизни. После того как Володя спасся, он долго плакал «от радости, от пережитого страха», а также от того, что все рассказы об осьминогах были враньем [7, т. 2, с. 320]. Поэтому повествование завершается умиротворяющим описанием природы, что свидетельствует о гармонии внутреннего состояния главного персонажа: «Вода в омуте давно успокоилась», «светило солнце, пылали кусты, обрызганные росой», а теплый воздух благоухал «острыми запахами леса», «сена и сладкого клевера» [7, т. 2, с. 320].

Эти герои воспринимают природу как царицу, а ее законы – как неизменную данность. Петр Николаевич, вернувшись в места охоты своей молодости, отмечал: «Все не то <...> только рассвет и роса на траве, запахи – все те же, вечные, навсегда те же!» («На охоте») [8, т. 1, с. 109]. Важно подчеркнуть, что он осознает вечность природы без каких-либо пессимистических рассуждений, с «восторгом»: «... Еще тысячи людей, может быть, и не родившихся даже, будут так же просыпаться когда-нибудь и глядеть на рассвет, туманы на лугах...» [8, т. 1, с. 109]. Бесконечный природный цикл для Петра Николаевича – совершенно естественный процесс: «И жизнь по-прежнему прекрасна <...>, всегда будут пылать <...> закаты и разгораться тихим светом восходы, всегда будут расцветать цветы и расти трава, и новые люди будут приходить на место стародавних охот...» [8, т. 1, с. 117].

Никишка, восьмилетний мальчик из рассказа «Никишкины тайны», верил, что в заброшенных рыбацких избушках жили лешие. Он представлял их себе очень четко: «У одного борода черная, у другого – сивая, у третьего – вовсе не поймешь какая» [7, т. 2, с. 371]. Он также обладал способностью приручать животных, поэтому «его все звери слушались» [7, т. 2, с. 371]. Никишка понимал, что у природы много тайн, которые навсегда скрыты от человека: «... Смотри только с тоской, впитывай глазами, слушай ушами да нюхай» [7, т. 2, с. 371]. Только в полусне ему мерещилось, что собака звала его в лес с целью открыть природные тайны: «Об чем березы шепчут, послушаем, что камни думают, узнаем» [7, т. 2, с. 375].

Выводы. Проблема взаимодействия природы и человека – одна из ключевых в прозе Ю. П. Казакова. В ее осмыслении заметно прослеживается тургеневская традиция, в частности в изображении героев. В рассказах писателя присутствует второй тип персонажей в соответствии с типологией, составленной М. О. Гершензоном [3]. Обозначены герои с «внутренней цельностью», которыми являются охотники, рыболовы, лесники – Петр Николаевич и его сын Алексей («На охоте»), Яшка и Владимир («Тихое утро»), Петр Андреевич, Семен и Леша («Ночь»), Никишка и его отец («Никишкины тайны»), а также герои-повествователи («Скрип-скрип», «Песни леса»). Для выделенных персонажей природа – «родной дом», источник промысла, поэтому они находятся в балансе с ней. Это цельные личности, которым не свойственен философский подход к жизни, они живут настоящим, способны замечать красоту в самых обычных природных явлениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байниева К. Т. Традиции и новаторство в творчестве Ю. П. Казакова : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.02. – М., 1993. – 16 с.
2. Галимова Е. Ш. Художественный мир Юрия Казакова. – Архангельск : Изд-во Поморск. ун-та, 1992. – 174 с.
3. Гершензон М. О. Мечта и мысль И. С. Тургенева. – М. : Книгоизд-во писателей в Москве, 1919. – 170 с.
4. Голованова Т. П. Тургенев и советская литература // Русская литература. – 1968. – № 4. – С. 20–34.
5. Джалилова Т. В. Традиции лирической прозы И. С. Тургенева в советской литературе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 ; 10.01.02. – Баку, 1990. – 29 с.
6. Измайлов А. Ф. Наедине с Паустовским. – Л. : Наука, 1990. – 136 с.

7. Казаков Ю. П. Соловецкие мечтания. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 2. – М. : Русский Мир, 2023. – 480 с.
8. Казаков Ю. П. Странник. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 1. – М. : Русский Мир, 2023. – 384 с.
9. Клепикова Е. Север сокровенный // Новый мир. – 1974. – № 7. – С. 260–264.
10. Кобелева О. Ф. Традиции И. С. Тургенева в современной литературе (на материале произведений Д. Гранина, Ю. Казакова, В. Солоухина) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – Днепропетровск, 1992. – 19 с.
11. Ковский В. Е. Реалисты и романтики: из творческого опыта русской советской классики. – М. : Худож. лит., 1990. – 383 с.
12. Куделько Н. А. Традиции поэтики И. С. Тургенева в русской литературе XX века (Б. К. Зайцев, К. Г. Паустовский, Ю. П. Казаков) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01. – М., 2005. – 41 с.
13. Кузнецова А. А. Проза Ю. П. Казакова: проблематика и поэтика : дис ... канд. филол. наук : 10.01.01. – Тверь, 2001. – 185 с.
14. Кузьмичев И. С. Юрий Казаков: набросок портрета. – Л. : Сов. писатель, 1986. – 272 с.
15. Локтионова Н. П. Традиции лирической прозы в творчестве Юрия Казакова // Материалы международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVI Кирилло-Медовские чтения». – Ярославль : Ремдер, 2015. – С. 218–223.
16. Недзвецкий В. А. Возврат к жизни. Лирическая новеллистка Юрия Казакова // Литература в школе. – 2001. – № 2. – С. 20–25.
17. Нинов А. А. Юрий Казаков // Сквозь тридцать лет: проблемы. Портреты. Полемика. 1956–1986. – Л. : Сов. писатель, 1987. – С. 331–360.
18. Пудожгорский В. К. Путешествие в прекрасное. – Вологда : Изд-во Вологод. гос. пед. ин-та, 1974. – 85 с.
19. Скуднякова Е. В. Природа и человек в творчестве И. С. Тургенева: герои с «внутренней цельностью» // Вестник Чувашия государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2023. – № 2(119). – С. 35–43.
20. Скуднякова Е. В. Природа и человек в цикле «Записки охотника» И. С. Тургенева: герои с «внутренней цельностью» // Вестник Чувашия государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2024. – № 2(123). – С. 58–67.
21. Чекулина Н. А. Лирическая проза Ю. П. Казакова (проблематика и жанровые особенности) : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.02. – Ташкент, 1983. – 185 с.

Статья поступила в редакцию 10.06.2025

REFERENCES

1. Bajnieva K. T. Tradicii i novatorstvo v tvorchestve Yu. P. Kazakova : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.02. – M., 1993. – 16 s.
2. Galimova E. Sh. Hudozhestvennyj mir Yuriya Kazakova. – Arhangel'sk : Izd-vo Pomorsk. un-ta, 1992. – 174 s.
3. Gershenzon M. O. Mechta i mysl' I. S. Turgeneva. – M. : Knigoizd-vo pisatelej v Moskve, 1919. – 170 s.
4. Golovanova T. P. Turgenev i sovetskaja literatura // Russkaja literatura. – 1968. – № 4. – S. 20–34.
5. Dzhaliilova T. V. Tradicii liricheskoj prozy I. S. Turgeneva v sovetskoj literature : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.01 ; 10.01.02. – Baku, 1990. – 29 s.
6. Izmajlov A. F. Naedine s Paustovskim. – L. : Nauka, 1990. – 136 s.
7. Kazakov Yu. P. Soloveckie mechtaniya. Sbranie sochinenij : v 3 t. T. 2. – M. : Russkij Mir", 2023. – 480 s.
8. Kazakov Yu. P. Strannik. Sbranie sochinenij : v 3 t. T. 1. – M. : Russkij Mir", 2023. – 384 s.
9. Klepikova E. Sever sokrovennyj // Novyj mir. – 1974. – № 7. – S. 260–264.
10. Kobleva O. F. Tradicii I. S. Turgeneva v sovremennoj literature (na materiale proizvedenij D. Granina, Yu. Kazakova, V. Solouhina) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.01. – Dnepropetrovsk, 1992. – 19 s.
11. Kovskij V. E. Realisty i romantiki: iz tvorcheskogo opyta russkoj sovetskoj klassiki. – M. : Hudozh. lit., 1990. – 383 s.
12. Kudel'ko N. A. Tradicii poetiki I. S. Turgeneva v russkoj literature XX veka (B. K. Zajcev, K. G. Paustovskij, Yu. P. Kazakov) : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk : 10.01.01. – M., 2005. – 41 s.
13. Kuznecova A. A. Proza Yu. P. Kazakova: problematika i poetika : dis ... kand. filol. nauk : 10.01.01. – Tver', 2001. – 185 s.
14. Kuz'michev I. S. Jurij Kazakov: nabrosok portreta. – L. : Sov. pisatel', 1986. – 272 s.
15. Loktionova N. P. Tradicii liricheskoj prozy v tvorchestve Yuriya Kazakova // Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Slavyanskaja kul'tura: istoki, tradicii, vzaimodejstvie. XVI Kirillo-Mefodievskie chteniya». – Yaroslavl' : Remder, 2015. – S. 218–223.
16. Nedzveckij V. A. Vozvrat k zhizni. Liricheskaja novellistka Yuriya Kazakova // Literatura v shkole. – 2001. – № 2. – S. 20–25.

17. Ninov A. A. Yuriy Kazakov // Skvoz' tridcat' let: problemy. Portrety. Polemika. 1956–1986. – L. : Sov. pisatel', 1987. – S. 331–360.
18. Pudozhgorskij V. K. Puteshestvie v prekrasnoe. – Vologda : Izd-vo Vologod. gos. ped. in-ta, 1974. – 85 s.
19. Skudnyakova E. V. Priroda i chelovek v tvorchestve I. S. Turgeneva: geroi s «vnutrennej cel'nost'yu» // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2023. – № 2(119). – S. 35–43.
20. Skudnyakova E. V. Priroda i chelovek v cikle «Zapiski ohotnika» I. S. Turgeneva: geroi s «vnutrennej cel'nost'yu» // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2024. – № 2(123). – S. 58–67.
21. Chekulina N. A. Liricheskaya proza Yu. P. Kazakova (problematika i zhanrovye osobennosti) : dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.02. – Tashkent, 1983. – 185 s.

The article was contributed on June 10, 2025

Сведения об авторе

Скуднякова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского (Первого казачьего университета), г. Москва, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-6975-1852>, elenaskudnakova@gmail.com

Author Information

Skudnyakova, Elena Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of Professional Education, K. G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University), Moscow, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-6975-1852>, elenaskudnakova@gmail.com